

Приложение 1.

Реале, Джованни. Западная философия от истоков до наших дней : [в 4-х т.] / Д. Реале, Д. Антисери. – Санкт-Петербург : ТОО ТК "Петрополис", 1994. – Т. 1. Античность. – Гл. 6.

Глава шестая

Платон и античная Академия

1. ПРОБЛЕМА ПЛАТОНА

1.1. Жизнь и сочинения Платона

Платон родился в Афинах в 428-427 гг. до н.э. Его настоящее имя - Аристокл, Платон - псевдоним, которому он обязан своим мощным телом; по другим сведениям, он получил его, благодаря размашистому стилю и широкому лбу ("платос" по-гречески означает полноту, широту, просторность). Отец его имел среди предков царя Кодра, мать гордилась своим родством с Солоном. И нам понятно, что для Платона с молодых лет открывалась поистине идеальная перспектива политической жизни: рождение, образование, личные склонности, все продвигало его в одном направлении. Все эти биографические данные существенны, ибо вошли в ткань его мышления.

Аристотель сообщает, что Платон поначалу был учеником Кратила (последователя Гераклита), и лишь позже - Сократа (встреча с учителем произошла в возрасте около 20 лет). Ясно, что Платон последовал за Сократом первоначально по тем же соображениям, что и другие юноши, т.е. не за тем, чтобы сделать философию целью своей жизни, а чтобы лучше приуготовить себя к политической жизни. Однако события придали жизни Платона совсем иной смысл.

Первое непосредственное включение Платона в политическую жизнь относится к 404-403 гг. до н.э., когда аристократия пришла к власти, и двое его родственников - Хармид и Критий - оказались на первых ролях в олигархическом правительстве. Однако это был, без сомнения, опыт горький; разочарование вызвали методы интриг и насилия, пущенные в ход теми, к кому Платон всегда питал доверие.

Кульминационным событием, приведшим к полному разочарованию в практической политике Афин, стало осуждение Сократа к смерти в 399 году, ответственность за которое легла на демократов, вновь пришедших к власти. Итак, Платон решает держаться подальше от политики воинствующих невежд.

После 399 г. Платон удаляется в Мегару вместе с другими учениками Сократа, где они были приняты Евклидом, но не задерживаются там слишком долго.

В 388 г., в свои 40 лет, он посетил Италию. Ранее он побывал также в Египте и в Кирене, но об этих путешествиях он умалчивает в своей автобиографии (Письмо VII). И этого Письма мы узнаем, что в Италии он знакомится с пифагорейцами, в частности, с Архитом. Затем он отправляется на Сицилию, в Сиракузы по приглашению тирана Дионисия I. Понятно его желание внушить тирану идеал правителя-философа, который он основательно разработал в диалоге "Горгий" еще до путешествия. Однако очень скоро возникли неприязненные отношения с тираном и его придворными (как прямое подтверждение принципов, выдвинутых в "Горгий"), зато, напротив, завязалась дружба и понимание с Дионом, родственником тирана, в ком Платон по-прежнему не отчаивался найти достойного ученика и в будущем философа на троне. Между тем гнев Дионисия

достиг такого накала, что он как раба продал Платона спартанскому послу в Эгине. Возможно, все было проще: высаженный в Эгине, находившейся в войне с Афинами, Платон почувствовал себя рабом по тому, как с ним обращались. Но, по счастью, скоро он был освобожден Анникеридом из Кирены, который нашел его в Эгине.

По возвращении в Афины Платон основывает Академию (в гимнасии, расположенной в парке, посаженном в честь героя Академа), о чем впервые заявлено в диалоге "Менон". Академия утвердилась очень быстро и стала собирать множество молодых и не очень молодых талантливых людей.

В 367 г. до н.э. Платон снова отправляется на Сицилию, где вслед за умершим Дионисием I воцаряется его сын Дионисий II, который, по мнению Диона, куда более отца благорасположен к проектам Платона. Впрочем, скоро выясняется, что одним лыком шиты и сын, и отец. Дион по обвинению в заговоре сослан, Платона ждала участь узника. И лишь по причине своей занятости военными приготовлениями Дионисий, в конце концов, позволил Платону вернуться на родину.

В 361 г. предпринят третий вояж на Сицилию. В Афинах Платон нашел бежавшего туда Диона, которого ему удастся убедить принять настойчивые приглашения Дионисия. Тиран снова возжелал иметь при дворе философа, дабы укрепить себя в познаниях и мудрости. Платон едет с Дионом, надеясь утвердиться в Сиракузах. И вновь его ждет расплата за наивную веру в изменение природы тирана, на этот раз едва ли не ценой жизни. И лишь благодаря Архиту и тарантинам Платону удалось спастись. В 357 г. Дион пришел все же к власти, однако править Сиракузами долго ему не довелось, в 353 г. он был убит.

В 360 г. Платон вернулся в Афины и не расставался с Академией до своей смерти, наступившей в 347 г. до н.э.

3.6. Эротика как алогичный путь к абсолюту

Тематика прекрасного никак не связана у Платона с проблематикой искусства. Последнее как простая имитация видимости не раскрывает интеллигибельности красоты. Тематика эроса и любви проявлена при обсуждении медиума, моста, связывающего чувственное со сверхчувственным. Эрос и есть сила, дающая крылья, несущая через все ступени красоты к Красоте в себе, к метаэмпирической сути. А поскольку для всякого грека Прекрасное не мыслимо вне Блага, то и Эрос есть та сила, которая влечет к Благу, а эротика - еще одни ворота, это алогичный путь к Абсолюту.

Любовная аналитика - едва ли не самое впечатляющее из всего написанного Платоном. Любовь не есть ни прекрасное, ни благое, но - жажда красоты и добра. Любовь, стало быть, не Бог (ведь Бог - всегда благое и прекрасное), но и не человек. Она не смертна, но и не бессмертна. Она - одно из демонических существ, связующих человека и Бога.

Любовь, следовательно, это фило-софия во всей полноте смыслов этого термина. София, - мудрость, ею вполне владеет лишь Бог. Невежество - удел того, кто напрочь лишен мудрости. "Философос" - это, в точном смысле, тот, кто ни невежествен, ни мудр, но, не владея мудростью, он одержим страстью к ней; влекомый этой ненасытной жаждой, он - в вечном порыве: все, как в истинном любовном приключении.

То, что в расхожем смысле слова люди называют любовью, есть лишь частичка истинной Любви, суть которой в желании прекрасного, блага, мудрости, счастья, бессмертия,

Абсолюта. Любовь знает много дорог, ведущих к разным ступеням блага (любая форма любви - жажда вечного обладания благом), но лишь истинный любовник знает, как преодолеть их все и достичь высшей точки зенита, чтобы увидеть то, что прекрасно абсолютным образом.

а) Низшая ступень "лестницы любви" - это любовь физическая, желание владеть красивым телом и породить в нем другое тело. И уже здесь есть желание бессмертия, ибо "путь в смертном зачатии, рождение - это вечность и бессмертие".

б) Затем ступень влюбленной очарованности не телом, но душой: она несет семена, которые прорастают в пространстве духа. Среди них мы находим по восходящей влюбленных в души, одержимых искусством, приверженцев справедливости и закона, увлеченных чистой наукой.

в) Наконец, на вершине нашей лестницы нас ждет ослепительное сияние идеи Прекрасного как Абсолюта.

В диалоге "Федр" Платон углубляет синтетическое понимание любви как соединяющей силы, связывая его с теорией воспоминания. Душа, как мы уже знаем, в своей первоначальной жизни, во всем следуя Богам, видела Гиперуралию, т.е. мир идей. Затем, потеряв крылья и обретя тело, она все забыла. Но, с усилиями поднимаясь над собой, в размышлениях мало-помалу душа припоминает уже виденное. Специфика идеи Прекрасного состоит в том, что воспоминание о ней "чрезвычайно наглядно и восхитительно сладостно". Это свечение идеальной Красоты в живом теле воспламеняет душу, пробуждая в ней желание полета, неистребимую волю вернуться туда, где ей не суждено было остаться. Это и есть работа Эроса с его тоской по сверхчувственному, возвращающего душам их древние крылья, влекущего в небесные дали. Любовь платоническая - это ностальгия по Абсолюту, запретное влечение к метаэмпирическому, сила, возвращающая нас к изначальному бытию среди Богов.

4. КОНЦЕПЦИЯ ЧЕЛОВЕКА

4.1. Дуалистическое понимание человека

Ранее мы говорили о том, что отношение мира идей к вещам достаточно определено, недуалистично в обычном смысле, ибо идеи являются истинной причиной всего сущего. Однако дуалистично понимание Платоном отношения души к телу, поскольку, кроме метафизико-онтологического плана, он вводит религиозную компоненту орфизма и свойственную ей оппозицию между душой (сверхчувственным) и телом (=чувственным). По этой причине тело понимается не просто как обиталище души, благодаря которой тело живет (на службе у души, как это понимал Сократ), но, скорее, как могильный склеп, или как тюрьма души, где она изнуряется в муках. В "Горгии" мы читаем: "Как не восхищаться Еврипидом, когда он говорит: "Кто знает, жить - не значит ли умирать, а умирать - не значит ли вновь ожить?" и, быть может, мы, в действительности, мертвы. Ведь и я слышал от мудрецов, что мертвы мы, и тело наше - могила наша".

Пока мы имеем тело, мы мертвы, ибо фундаментально мы есть благодаря душе, а душа, пока она в теле, - она как в могиле, значит, умерщвлена. Смерть тела - это жизнь, ибо душа освобождается от неволи. Тело - корень всех зол, источник нездоровых страстей, неприязни, несогласия, невежества и просто безумия: т.е. всего того, от чего гибнет душа. Такая негативная оценка телесного несколько притушевывается в последних работах Платона, но не исчезает совсем. Надо сказать, что платоновская этика лишь частично

обусловлена этим дуализмом. Его теоремы неизбежно основаны на метафизическом различении души (интеллигибельной сущности) и тела (чувственном существе) в значительно большей степени, нежели на мистериософии души как демона и тела как могильного склепа. Как бы то ни было, "вторая навигация" остается, по существу, истинным фундаментом платоновской этики.

4.2. Парадоксы "бегства от тела" и "бегства от мира" и их смысл

Первый парадокс отчетливо обнаруживается в диалоге "Федон". Душа должна избегать тела, насколько это возможно, истинный философ желает смерти, а истинная философия - это "упражнение в смерти". Смерть - всего лишь эпизод, онтологически имеющий отношение только к телу; она не только не вредит душе, напротив, дарует ей жизнь новую, праведную, предоставленную лишь ей самой, которая, наконец, беспрепятственно соединяется с миром умопостигаемого. Смысл парадокса не меняется, если формулировку перевернуть в обратном порядке: философ есть тот, кто желает истинной жизни (смерти тела), а философия есть упражнение в подлинной жизни, т.е. в чистом пространстве духа. Найти дух, значит, потерять тело.

Не менее ясен смысл второго парадокса, - "бегства от мира" [166]. Платон сам объясняет это как средство соединения с миром идей и уподобления Богу в добродетели. "Зло не пройдет, скорее, оно будет вечно противостоящим благу; нельзя найти место среди богов, скитаясь по этой земле вокруг нашей смертной натуры. Вот почему надобно как можно быстрее покинуть этот мир ради другого. А это значит уподобиться Богу так, как это только возможно и доступно человеку, достигнув праведности, святости и вместе с тем мудрости".

Смысл обоих парадоксов идентичен: бегство от тела и от мира значит одно: избавиться от телесного и мирского зла, уподобляясь Богу, "мере всех вещей", как сказано в "Законах", через добродетель и познание.

4.3. Очищение души как познание и диалектика как обращение

Высшим моральным долгом человека Сократ полагал "попечение о душе". Платон закрепляет этот императив Сократа, придав ему некий мистический покров замечанием, что "забота о душе" означает ее очищение. Последнее достижимо через разрыв с чувственным и соединение с родственным миром интеллигибельного и духовного. Это очищение, весьма отличное от орфических инициаций, совпадает с подъемом и вхождением в чистую науку и познание, что, однако, не ведет к алогичности и экстаичности созерцания. Своеобразие платоновского мистицизма - в акценте на силу катарсиса, сопровождающего научный поиск как прогрессирующее восхождение к знаниям. Понятно, что для Платона процесс рационального познания со временем становится процессом морального обращения, преображения. В той мере, в какой познание ведет от чувственного к сверхчувственному, один мир преображается в другой, из иллюзорного пространства мы попадаем в подлинное. В этом и состоит добродетель.

Этот тезис развернут не только в "Федоне", но и в центральных частях "Государства". Диалектика - это освобождение от цепей чувственного, обращение от становящегося к бытию, наконец, это вступление во владения высшего Блага.

В этом смысле Платон должен быть признан первооткрывателем понятия "преображение", но не как христианского феномена, а исходного смысла этого понятия.

4.4. Бессмертие души

Для Сократа было довольно понять, что сущность человека - это его душа (психэ), чтобы обосновать новую мораль. Для него не было столь важно установление, смертна душа или же нет. Ведь добродетель сама себя награждает, подобно тому, как порок карает сам себя. Напротив, для Платона проблема бессмертия становится наиважнейшей. Если, умирая, человек разрешается в ничто, теория Сократа не в состоянии противостоять нигилистам, не признающим каких бы то ни было моральных принципов (софистам-политикам, например, или Калликлу, персонажу "Горгия"). Однако открытие метафизики и принятие ядра орфизма сделали для Платона проблему бессмертия фундаментальной: несколько раз он возвращался к ее аргументации в диалогах "Менон", "Федон", позже в "Государстве", в "Федре".

Центральный аргумент "Федона" можно суммировать следующим образом. Душа человека способна, - говорит Платон, - познавать неподвижное и вечное. Однако, чтобы уловить это последнее, она сама должна иметь сходную природу, в противном случае, все вечно пребывающее оставалось бы вне способности души к восприятию. Стало быть, душа столь же вечна и неизменна, как вечность, ей подвластная.

В предшествующих "Тимею" диалогах души представляются вне рождения и вне границ. Однако в "Тимее" они уже порождены Демиургом вместе с душой мира, состоящей из "сущности", "тождества" и "различия". Значит, рождение Души имеет начало, но, по своему божественному статусу, она не подлежит смерти, подобно тому, как недоступно смерти все то, что прямо произведено Демиургом.

Откуда бы ни зашел Платон в эту проблему, вывод все тот же: существование и бессмертие души осмыслены лишь в том случае, если душа понята как сверхэмпирическое существо, обитающее в интеллигибельном пространстве, а потому не подлежащее порче и отрицанию со стороны человека. Открытие Платоном двух измерений человеческого бытия стало настолько необратимым, что при последующих попытках отрицать одно из этих измерений, оставляя физическую природу человека как единственную, игнорируя духовную, смысл этого единственного начала обретал решительно иное содержание, чем прежде.

4.5. Метемпсихоз и судьба души после смерти

Участь души после смерти тела изложена Платоном в виде разных мифов и образует весьма сложную картину. Здесь нелепо искать логической линейности, уместной лишь в диалектическом дискурсе. Эсхатологические мифы имеют целью убедить уверовать, путем различных аллегорических представлений, намеков на глубинную истину, недостижимую чистым логосом, которому они хотя и не противоречат, но питают и поддерживают его.

Для понимания обсуждаемого вопроса необходимо прояснить платоновское понятие метемпсихоза [221]. Как мы уже знаем, это теория миграции души от одного тела к другому, т.е. перерождения душ в разных живых существах. Восприняв эту теорию от орфизма, Платон наполнил ее новым содержанием в двух аспектах.

Первый представлен в диалоге "Федон". Здесь говорится о том, что, если души вели образ жизни, исключительно связанный с телами, страстями, вожделениями и наслаждениями, со смертью они не смогут полностью отделиться от телесного, сраставшись с последним.

Эти души бродяжничают некоторое время, страшась Аида, кружа вокруг могил, подобно фантомам, пока, захваченные желанием телесного, не соединятся снова с телами как человеческими, так и животными, в соответствии с низким моральным уровнем предшествующей жизни. Те же души, что жили по законам добродетели (в житейском, не философском смысле), воплощаются в телах кротких и общительных животных или же в телах вполне достойных людей. "Но, - заверяет Платон, - высокое племя Богов недоступно душам, не культивированным философией и не очистившим свое тело полностью, но доступно лишь тем, кто возлюбил мудрость".

Вместе с тем в "Государстве" Платон говорит о втором типе реинкарнации души, заметно отличном от первого. Души количественно ограничены, и ежели каждая из них получит в ином мире свое вечное наказание или вознаграждение, то в один прекрасный момент на земле не окажется ни одной из них. По этой очевидной причине Платон полагает, что сверхземное возмездие за одну прожитую жизнь должно иметь определенную продолжительность. Поскольку одна земная жизнь длится максимально сто лет, Платон, очарованный пифагорейской мистикой числа 10, полагает, что вземная жизнь должна иметь продолжительность в десять раз большую, чем земная - 10x100, т.е. тысячу лет. Для душ,отягощенных непоправимыми преступлениями, наказание не имеет предела. В общем же случае, пройдя этот 1000-летний цикл, души должны вернуться и воплотиться вновь.

Аналогичные идеи мы находим и в "Федре" с некоторыми вариациями во временных циклах, из которых следует, что души циклически падают в тела, а затем воспаряют на небеса.

Мы также находим рядом с индивидуальным циклом реинкарнаций, связанным с личными событиями, некий "космический" тысячелетний цикл. Ему посвящены два мифа: об Эре, содержащийся в "Государстве", и миф о крылатой колеснице в диалоге "Федр".

4.6. Миф об Эре и его смысл

В продолжении своего тысячелетнего путешествия, души собираются для определения своей дальнейшей судьбы. Согласно греческой традиции судьбу человека решают Боги, среди коих Необходимость ведет главную роль. Платон совершает здесь настоящий переворот. Парадигмы жизни, говорит Платон, сокрыты в лоне Мойры Лахесис, дочери Необходимости, но не так, что они вменены душам, а, скорее, вариативно предложены им, выбор между ними целиком и полностью принадлежит самим свободным душам. Человек не выбирает свободно, жить или не жить, но он свободен в выборе - жить по справедливости и в благе, либо жить в пороке и зле. "И рассказывал Эр тем, кто, придя сюда, должны были отправиться к Лахесис, что некий пророк, который первым делом расположил души по порядку, приняв с колен Лахесис судьбы и житейские парадигмы, поднялся на амвон и произнес: - Это глаголет девственница Лахесис, дочь богини Фемиды: "Души эфемерные, вот главный закон следующего периода жизни, который влечет вас к смерти. Нет и не будет демона, выбирающего вас, но будете вы, которые выберут своего демона. И первый шаг ваш будет выбором жизни, судьба которой впоследствии будет связана с необходимостью. Добродетель не имеет хозяина: каждый, кто либо ее почитает, либо пренебрегает ею, обретает или теряет что-то от нее. Выбор - источник вины; вина принадлежит выбирающему. Бог неймет вины".

Сказав это, пророк Лахесис бросила в сторону судеб числа, чтобы определить порядок, по которому души назначены к выбору: число, упавшее рядом с какой-либо из душ, вызывает ее к самоопределению. Стало быть, прато, луговина парадигм, посреди которой

возвышается пророк, являет взору всякой души все возможные образцы человеческих жизненных путей и судеб животных, стократ превышающих число присутствующих душ. В распоряжении выбирающего первым - множество путей, но и для выбирающего последним проблема выбора далеко не безнадежна. И для него остается возможность выбора благой участи, даже если она для него не самая лучшая.

Сделанный выбор затем скрепляется печатью двумя другими Мойрами - Клото и Атропос, и становится уже необратимым. Души припадают к водам реки Леты (река забвения), и затем падают и поселяются в телах, чтобы реализовать собственный выбор.

Можно сказать, что выбор зависит от "свободы души", но точнее было бы сказать, от "знания", от понимания сути благой жизни и порочной, т.е. от "философии", которая, по Платону, выступает силой, спасающей всегда и везде, в мире этом и ином. Этический интеллектуализм здесь достигает крайних пределов: "Ведь если есть некто, - говорит Платон, - кто способен к здоровому философствованию в этой жизни, дело выбора сверхземной участи не застанет его среди последних; более того, есть у него возможность постольку, поскольку Эр сообщает о происходящем в этом мире, быть не только счастливым на этой земле, но и, путешествуя в иной мир, а затем обратно, не попадать в подземные сферы и тягостные испытания, но плавно двигаться к небу".

4.7. Миф о летающей крылатой колеснице

В диалоге "Федр" Платон предлагает видение потустороннего мира еще более сложное. Возможно, он искал объяснения тому, что ни один из мифов, до сих пор рассмотренных, не показывает почему души вселяются в тела, почему души первородны, и в чем причина их сродства и однонаправленности с божественным.

Первоначально душа была в Боге, и в этой своей божественной жизни во всем следовала Богам, а пала она на землю в тело по причине своей вины. Душа - нечто подобное крылатой колеснице, запряженной двумя конями с возницей. И если кони, мчащие Богов, равным образом надежны, то кони, впряженные в повозку с душами человеческими - разной породы, один из них хорош, другой - дурен, отчего возникают сложности с управлением. Возница символизирует разум, кони - алогичные части души - вожделеющую и гневную, агрессивную. Другие полагают, что это три элемента, из которых Демиург в "Тимее" слепил душу человека. Следуя Богам, души летят небесными стезями, одной своей половиной периодически соединяясь с небом и Богами, созерцая в полете Гиперуралию, запредельный мир идей, или так называемую "Долину правды". Но, в отличие от Богов, созерцать Бытие, упиваться дольными откровениями, - для наших душ все это многотрудное занятие по той простой причине, что плебейский конь, - наша вторая дурная натура, - тянет без устали вниз. Вот и получается, что некоторые души видели Бытие, или хотя бы часть его, и продолжают жить с Богами, тогда как другим не удается достигнуть "Долины Правды"; они скучиваются, в давке им не удается воспарить отвесно ввысь, к единению с небом, в стычках и драках их крылья крошатся, и отяжелевшие души падают на землю.

Следовательно, поскольку душе удастся увидеть Бытие и "Долину Правды", она не падает на землю в чье-то тело, а продолжает, из цикла в цикл, жить в компании Богов и Демонов. Человеческая жизнь морально более или менее совершенна в зависимости от того, как много душа видела в "Гиперуралии". По смерти тела душа вызывается на высший суд, где получает на тысячелетие награды или наказания, пропорционально своим заслугам и просчетам в земной жизни. После этого срока она вернется для новой инкарнации.

Впрочем, в "Федре" мы находим нечто новое. По прошествии десяти тысяч лет, все души вновь обретают крылья и возвращаются в лоно Богов. Те же души, что в течение трех жизней неуклонно философски совершенствовались, составляют привилегированное исключение и уже через три тысячи лет обретают вновь крылья. Ясно, что две картины представляются весьма различными: место, где живут с Богами и куда возвращаются души каждые десять тысяч лет (по "Федру"), и место, где протекает тысячелетнее блаженство после каждой прожитой жизни (согласно "Государству").

4.8. Итоги эсхатологии Платона

По сути дела, мифы всегда приглашают к вере, своего рода "разумной вере", как мы это видели из предыдущей главы. Суммируя сказанное, получаем следующее. Человек на земле - странник, а земная жизнь - некое испытание. Истинная жизнь начинается в невидимом - по ту сторону земного мира, где душа оказывается перед судом, совершаемом по одному критерию - справедливости и несправедливости, умеренности и разнузданности, добродетели и порока. Ни во что другое судьи не вникают: решительно ничего не значит факт, принадлежала ли душа Царю мира, либо самому ничтожному из подданных. Лишь знаки правоты или неправды идут здесь в расчет как самоценные. Участь же души может быть следующей: а) если прожитая жизнь была исполнена правоты, ее ждет награда (жизнь на сказочных островах Блаженных), или в месте превосходящем все остальные до неопишущности; б) несправедно прожитая до степени непоправимости жизнь получит вечное наказание в Тартаре; в) если прожитая жизнь лишь частично справедлива, а несправедливости поправимы, душу ждет наказание, но временное (позже, очистившись от вины, она получит все, что заслужила).

Все же, несмотря на идеи "суда", "награды", "кары", сквозь все эсхатологические мифы просвечивает идея "освобождения" от человеческих мук и страданий; здесь же мы имеем своеобразное уточнение: "признание превосходства души высокой пробы обретают исключительно через боль, муки, страдания; да будет так на земле, как и выше: ведь и вправду никак нельзя освободиться от несправедности иным путем".

5. ИДЕАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО НЕГО ИСТОРИЧЕСКИЕ ФОРМЫ

5.1. Структура платоновского "Государства"

Устами Сократа Платон говорит в диалоге "Горгий": "Я полагаю, что лишь немногие из афинян, чтобы не сказать единственный, владеют истинным искусством политика, и лишь одного из современников можно считать практиком". Истинное политическое искусство есть искусство спасения и попечения души, требующее виртуозности, какую только можно себе представить. И потому такого рода искусство - философское по необходимости. Этот тезис, начиная с "Горгия", вызревал до выраженной в "Государстве" мысли о совпадении истинной философии с истинной политикой. Только если политик становится философом (и наоборот), можно построить подлинное государство, основанное на высшей ценности Правды и Блага. Чтобы осознать эти тезисы и чтобы избежать ошибки мы должны оживить их исторический контекст, а также некоторые понятия греческой ментальности: а) античный смысл понятия философии как "знания о целом", любовь к согласному звучанию частей, сливающихся в дивную гармонию, знание о высших причинах всего; б) сведение сущности человека к его душе; в) совпадение индивида и гражданина; г) представление о Городе-Государстве как горизонте всех моральных ценностей и единственно возможной форме общежития.

Только поняв это, мы можем увидеть структуру "Государства", шедевр Платона и почти "сумму", итог размышлений нашего философа. Построить Город-Государство означает познать до конца человека и его место в универсуме. В самом деле, - говорит Платон, - Государство есть ни что иное как увеличенная фотография нашей души; эта гигантография в широких измерениях воспроизводит все то, что есть в нашей душе, психэ. Центральная проблема справедливости, являющаяся осью, вокруг которой вращаются все прочие, получает свое адекватное решение при наблюдении того, как рождается (либо как гибнет) совершенный Город.

Государство возникает тогда, когда любой из нас не "автархичен", т.е. не самодостаточен, и нуждается в помощи многих других, ближних и дальних. 1) Во-первых, нужды в материальных факторах, - от пищи, одежды и жилья, до тех, кто это все поставляет; 2) во-вторых, услуги тех людей, кто призван охранять и защищать Город; 3) в-третьих, необходимость в тех немногих людях, кто умеет и может практически управлять.

Город, таким образом, должен состоять из трех классов: 1) крестьян, ремесленников и купцов; 2) стражей; 3) правителей.

1) Первый класс образован из людей, в коих преобладает вожделеющая часть души, т.е. наиболее элементарная; если в них преобладает добродетель умеренности, своего рода любовь к порядку, дисциплина желаний и наслаждений, а также способность подчиняться высшим классам, это - достойнейшие люди.

2) Второй класс образован из людей, в коих преобладает волевая часть души (они похожи на собак хорошей породы, наделенных послушанием и отвагой). Долг стражников - бдительность, как относительно внутренней опасности, так и внешней. К примеру, следует избегать как чрезмерной роскоши в первом классе (это приводит к праздности, лени, изнеженности и нескончаемым требованиям новизны), так и чрезмерной нищеты, которая рождает пороки противоположного характера. Государство не должно ни расширяться, ни уменьшаться сверх меры, а гражданам надлежит заниматься тем что соответствует их натуре и воспитанию.

3) Правителями же должны быть те, кто умеет любить свой Город более других, кто способен исполнить свой долг с наибольшим усердием. А всего важнее, если они умеют познавать и созерцать Благо; значит, рациональная часть души в них преобладает, и их можно назвать по достоинству "мудрецами".

Итак, совершенное государство - это такое государство, где в первом социальном классе преобладает умеренность, во втором - мужество и сила, в третьем - мудрость. Справедливость же - это ничто иное как гармония, которая воцаряется меж этими тремя добродетелями. Реализует эту гармонию совершенного социального целого каждый гражданин и любой из классов, понимая собственное место и исполняя свое дело наилучшим образом по природе и по закону, в силу которых они избраны и призваны к этому делу.

Мы говорили о Государстве как о гигантографии души. Но и в душе всякого человека есть три способности (им соответствуют три класса в Государстве). Перед лицом объектов в нас есть: а) некая сила, что толкает нас к ним (это - желание); б) другая, напротив, отстраняет нас от них и доминирует над желаниями, и это - разум; есть также третья - страсть, когда мы увлекаемся и воспламеняемся, она не есть ни разум, ни желание (ни разум, т.к. это страсть, ни желание, т.к. часто контрастирует с ним). Итак, три части души: апетитородящая, вожделеющая (epithymetikon), страстная (thymoeides), рациональная

(logistikon). Страстная, воспламеняющаяся часть души по своей природе должна принадлежать к разумной ее части, однако бывает наоборот, - и она страстается с нижней низменной частью по причине дурного воспитания. Получается великолепное по своей наглядности соответ-

ствие между добродетелями Государства и индивида. Индивид "темперирован", уравновешен, когда его нижние этажи гармонизированы с верхним ярусом. Он мужественен и несокрушим, когда в любой опасности страсти прочно удерживаются диктатом разума, действующим по законам Блага.

Такова, следовательно, концепция справедливости "по природе": каждый делает то, что ему надлежит делать: граждане и классы граждан в Городе и части души в душе. Справедливость во внешнем проявляется только тогда, когда она есть внутри, в корневой системе, в душе.

Платон выводит в таком духе систему ценностей, которые впоследствии станут кардинальными. Часто забывают, что она тесным образом связана с психологией Платона, с его идеей тринитарной структуры души.

Не забудем также, что в совершенном Городе должно быть совершенное образование и воспитание. Низший класс не нуждается в особом образовании, ибо искусствам и ремеслам научаются в практическом освоении. Для сословия охранников Платон считает необходимым быть образованными в гимнастике и музыке для укрепления в их душе того элемента, который питает выносливость и мужество. Для этого сословия Платон предлагает общность имущества. Общность мужей и жен, а значит и детей, дополнялась запретом на любую форму собственности. Задача низшего класса - умножать богатство, заботиться о материальных нуждах общества. Мужчины и женщины сословия стражников подлежали одинаковому образованию и им предназначались одинаковые жилища. Дети должны были воспитываться в подходящих для этого местах и заведениях, вдали от родителей. Такая дерзкая концепция воспитания имела единственной целью построить город-семью, где все любили бы друг друга, как матери, отцы, дети, братья, сестры, родственники. Так Платон мыслил избавить общество от эгоизма и навсегда победить "мое" и "твое". Все обязаны были говорить "наше". Частная собственность должна была уступить место общественной.

Воспитание, достойное правителей, должно было соединять практические занятия с освоением философии, период пестования "истинного политика=истинного философа" назывался "длинной дорогой", ибо продолжался он до 50 лет. Между 30 и 35 годами практические задания усложнялись, в 35-50, посредством внедрения в различных местностях, начинался контакт с эмпирической реальностью. Цель образования - максимальное познание Блага, затем - лепка себя самого по образцу Блага, чтобы потом внедрять и прививать Благо исторической реальности.

Итак, Благо - это первопринцип, благодаря которому образован весь идеальный мир; Демиург - генератор физического космоса как блага; наконец, Благо - фундамент Города и гарант политического действия.

В финале IX книги "Государства" мы можем прочесть, что, в конце концов, "не так важно, как должно или как может быть" в идеальном государстве. Достаточно уже, если кто-то один живет по законам этого Города, т.е. по закону Блага, Добра и Справедливости. Ведь прежде, чем возникнуть в реальности внешней, т.е. в истории, платоновский Город родится внутри человека, по крайней мере, здесь его позиция неоспорима.

5.2. "Политик" и "Законы"

После "Государства" Платон вернулся вновь к политической тематике. Теперь его интересует не проект идеального Города, но он пытается найти форму конструкции некоторого "Второго Государства", т.е. государства как такового, состоящего из людей, какие они есть, а не только таких, какими они должны быть.

В идеальном городе нет дилеммы, должны ли быть суверенными человек и закон, поскольку закон - ничто иное как способ, посредством которого человек реализует в Государстве познанное Благо. Однако в реальности сложно найти тех, кто управлял бы "по добродетели и науке", поэтому сувереном должен быть закон, а потому необходимо разработать конституцию.

Исторических конституций, имитирующих идеальную (или портящих последнюю) может быть три: 1) Если один управляет и имитирует идеального политика, - это монархия. 2) Если роль идеального политика играет группа богатых людей, - это аристократия. 3) Если идеального политика имитирует весь народ, - демократия. Когда эти формы конституции разлагаются если правители преследуют лишь собственный барыш, а не народный интерес, тогда рождаются: 1) тирания, 2) олигархия, 3) демагогия. Если государства здоровы и хорошо управляются, предпочтительна первая форма правления, но когда они коррумпируются, лучше третья: как утешение гарантирована свобода.

В "Законах" Платон предлагает два базовых понятия: "смешанной конституции" и "пропорционального равенства". Чрезмерная власть порождает абсолютизм тирании, а чрезмерная свобода вырождается в демагогию. Наилучшее - "темперированная" свобода власти и "точность меры". Истинное равенство не есть абстрактный эгалитаризм любой ценой, но "пропорционально" дозированное. Надо сказать, что выражение "точная мера" не сходит со страниц "Законов". Более того, Платон делает из него фундамент, утверждая, что для нас, людей, "мера всех вещей - Бог".

6. НЕКОТОРЫЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ О ПЛАТОНЕ

6.1. Миф о пещере

В центре "Государства" мы находим знаменитый миф о пещере. Мало-помалу этот миф превратился в символ метафизики, гносеологии и диалектики, а также этики и мистики: миф, который выражает всего Платона. На нем мы и закончим наш анализ.

Представим себе людей, которые живут в подземелье, в пещере со входом, направленным к свету, который освещает во всю длину одну из стен входа. Представим также, что обитатели пещеры к тому же связаны по ногам и по рукам, и будучи недвижимыми, они обращают свои взоры вглубь пещеры. Вообразим еще, что как раз у самого входа в пещеру есть вал из камней ростом в человека, по ту сторону которого двигаются люди, нося на плечах статуи из камня и дерева, всевозможные изображения. В довершение всего нужно увидеть позади этих людей огромный костер, а еще выше - сияющее солнце. Вне пещеры кипит жизнь, люди что-то говорят, и их говор эхом отдается в чреве пещеры.

Так узники пещеры не в состоянии видеть ничего, кроме теней, отбрасываемых статуэтками на стены их мрачного обиталища, они слышат лишь эхо чьих-то голосов. Однако они полагают, что эти тени - единственная реальность, и не зная, не видя и не слыша ничего другого, они принимают за чистую монету отголоски эха и теневые

проекции. Теперь предположим, что один из узников решается сбросить с себя оковы, и после изрядных усилий он осваивается с новым видением вещей, скажем, узрев статуэтки, движущиеся снаружи, он понял бы, что реальны они, а не тени, прежде им виденные. Наконец, предположим, что некто осмелился бы вывести узника на волю. И после первой минуты ослепления от лучей солнца и костра наш узник увидел бы вещи как таковые, а затем солнечные лучи, сперва отраженные, а потом их чистый свет сам по себе; тогда, поняв, что такое подлинная реальность, он понял бы, что именно солнце - истинная причина всех видимых вещей.

Так что же символизирует этот миф?

6.2. Четыре значения мифа о пещере

Во-первых, это представление об онтологической градации бытия, о типах реальности - чувственном и сверхчувственном - и их подвидах: тени на стенах - это простая кажимость вещей; статуи - вещи чувственно воспринимаемые; каменная стена - демаркационная линия, разделяющая два рода бытия; предметы и люди вне пещеры - это истинное бытие, ведущее к идеям; ну а солнце - Идея Блага.

Во-вторых, миф символизирует ступени познания: созерцание теней - воображение (eikasia), видение статуй - (pistis), т.е. верования, от которых мы переходим к пониманию предметов как таковых и к образу солнца, сначала опосредованно, потом непосредственно, - это фазы диалектики с различными ступенями, последняя из которых - чистое созерцание, интуитивное умопостижение.

В-третьих, мы имеем также аспекты: аскетический, мистический и теологический. Жизнь под знаком чувства и только чувства - это пещерная жизнь. Жизнь в духе - это жизнь в чистом свете правды. Путь восхождения от чувственного к интеллигибельному есть "освобождение от оков", т.е. преображение; наконец, высшее познание солнца-Блага - это созерцание божественного.

Впрочем, у этого мифа есть и политический аспект с истинно платоновским изыском. Платон говорит о возможном возвращении в пещеру того, кто однажды был освобожден. Вернуться с целью освободить и вывести к свободе тех, с которыми провел долгие годы рабства. Несомненно, это возвращение философа-политика, единственное желание которого - созерцание истины, преодолевающего себя в поисках других, нуждающихся в его помощи и спасении. Вспомним, что, по Платону, настоящий политик - не тот, кто любит власть и все с ней связанное, но кто, используя власть, занят лишь воплощением Блага. Возникает вопрос: что ждет спустившегося вновь из царства света в царство теней? Он не увидит ничего, пока не привыкнет к темноте. Его не поймут, пока он не адаптируется к старым привычкам. Принеся с собой возмущение, он рискует навлечь на себя гнев людей, предпочитающих блаженное неведение. Он рискует и большим, - быть убитым, как Сократ.

Но человек, который знает Благо, может и должен избежать этого риска, лишь исполненный долг придаст смысл его существованию...